

УДК [811.161.1'373.72+811.161.3'373.72+811.581'373.72]:72

UDC [811.161.1'373.72+811.161.3'373.72+811.581'373.72]:72

ОБРАЗ СТЕНЫ КАК ЭЛЕМЕНТ АРХИТЕКТУРНОГО КОДА РУССКОЙ, БЕЛОРУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУР

THE IMAGE OF A WALL AS AN ELEMENT OF THE ARCHITECTURAL CODE OF RUSSIAN, BELARUSIAN AND CHINESE LINGUISTIC CULTURES

Н. С. Протасеня,
аспірант кафедры
руского языка БГУ

N. Protaseniya,
Postgraduate Student of the Department
of Russian language, BSU

Поступила в редакцию 05.12.2023.

Received on 05.12.2023.

В настоящей статье рассматривается код культуры как одно из основных понятий лингвокультурологии. Проводится лингвокультурологический анализ реализации архитектурного кода культуры в русском, белорусском и китайском языках. Материалом исследования послужили фразеологизмы с компонентом стена / сцяна / 墙 / 壁, характеризующие взаимодействия людей и отношения между ними. Выявлены как типологически сходные, так и национально-специфические фразеологические единицы, отражающие данный фрагмент языковой картины мира.

Ключевые слова: код культуры; архитектурный код; лингвокультурологический подход; фразеологические единицы; символ; стена.

This article considers the culture code as one of the basic concepts of Linguoculturology. Linguocultural analysis of architectural code implementation in the Russian, Belorussian and Chinese culture is being carried out. The material for the study is based on phraseological units with the стена / сцяна / 墙 / 壁 component, which characterise human interaction and relationships between them. Both typologically similar and national-specific phraseological units reflecting this fragment of natural language ontology have been identified.

Keywords: culture code; architectural code; linguoculturological approach; phraseological units; symbol; wall.

Введение. Изучение кодов культуры входит в сферу семиотики, философии, культурологии, когнитивной лингвистики, этно- и психолингвистики. Для нашего исследования актуален лингвокультурологический подход, теоретические основы которого представлены в работах В. Н. Телия, В. В. Красных, Д. Б. Гудкова, М. Л. Ковшовой, И. В. Захаренко, И. В. Зыковой, М. В. Пименовой и других ученых. В Беларуси эти идеи разрабатываются В. А. Масловой, О. А. Лещинской, А. М. Мезенко, а также многими филологами-методистами в рамках лингвострановедения и лингводидактики (С. В. Николаенко, Л. И. Богатикова, О. В. Зеленко и др.); в Китае – Ло Чанпэем, Ю Жуцзе, Чэнь Цзяньмином, Шэнь Сяолуном и др. В лингвокультурологических исследованиях знаки языка и закодированные в них ценностные смыслы предстают как вербальная часть кода культуры – «системы знаков (знаковых тел) материального и духовного мира, ставших носителями культурных смыслов» (по определению Д. Б. Гудкова, М. Л. Ковшовой) [1, с. 9].

Список культурных кодов, выделенных исследователями, является открытым, кроме того, сами термины – названия кодов различаются у разных авторов. Так, по отношению к архитектурному коду используются и более сложные термины. Например, И. В. Захаренко пишет об архитектурно-домостроительном коде, под которым понимает «совокупность наименований хозяйственных построек, элементов жилища, их характеристик, пространственных и временных «измерений», которые служат для осмысления человеком мира и выступают в роли знаков «языка» культуры» [2, с. 564]. Д. Б. Гудков использует терминосочетание «архи-

тектурно-строительный код культуры», определяя его следующим образом: «совокупность имен архитектурных объектов, выступающих как носители приписываемых им культурных качеств, что придает этим именам роль знаков «языка» культуры» [3, с. 632]. Работы, посвященные архитектурному коду культуры в русском, белорусском и китайском языках, сравнительно немногочисленны, затрагивают отдельные его фрагменты, однако отражают различные ракурсы видения объекта, в том числе лингводидактический (О. В. Макарова [4]) и сопоставительный (Ван Исюань [5]). В статьях О. А. Лещинской раскрывается символическая природа компонентов *дзверы*, *кут* (*вугал*), *сцяна* в составе белорусских фразеологизмов [6].

Необходимо отметить, что комплексного и системного описания архитектурного кода культуры в языке не проводилось, более того, его единицы в наименьшей степени исследованы в рамках сопоставительного языкознания. Архитектурный код включает в себя имена строений и их частей, несущие функционально значимые для культуры смыслы; изучение и сопоставление единиц данного кода позволяет выявить характерные черты важнейших фрагментов русской, белорусской и китайской языковых картин мира, что определяет **актуальность** данной статьи. **Цель** статьи – выявить типологические сходства и национальную специфику этнокультурных эталонов архитектурного кода культуры в русском, белорусском и китайском языках на материале фразеологизмов (как в узком, так и в широком понимании термина), характеризующих взаимодействие людей и отношения между ними. **Объектом** исследования является воплощение

архитектурного кода во фразеологических единицах, содержащих лексемы *стена / сцяна / 牆 / 壁*¹. Источниками языкового материала послужили русские, белорусские и китайские словари фразеологизмов и паремий [7–16].

Основная часть. Стена как знак является одной из ведущих единиц воплощения архитектурного кода культуры в языке. Это один из ключевых атрибутов пространства, обозначающий границу между домом и внешним миром. Образ стены в трех лингвокультурах выступает как средство осмысления различных реалий и явлений действительности, которые могут быть сгруппированы на основании семантических признаков, восходящих к онтологическим качествам стены и того, что может быть уподоблено ей. Так, форма, внешний вид, функциональная нагрузка стены выступают в качестве мотивирующего основания при обозначении природных объектов и явлений природы, а также объектов, созданных человеком (артефактов), при образном структурировании пространства, при интерпретации характеристик человека. В статье [17] мы рассмотрели группы фразеологизмов, основанных на образной аналогии «человек – стена» (внешность, физические качества, черты характера, деятельность, моральные, эмоциональные и интеллектуальные характеристики) [17]. В настоящей статье представлен более глубокий анализ одной из этих семантических групп – описывающей взаимодействия людей.

В трех языковых картинах мира образ стены закрепился как символ единодушия и сплоченности, стена выступает эталоном прочных и надежных взаимоотношений между людьми, метафорически кодирует идею единства и согласованности в отстаивании своих ценностей, прав, принципов, убеждений: *вставать / встать / ставать / стать / стоять / стеной / стеною / как стена / стенка; станаеіцца / стаць / стаяць сцяной*. Ср. также русские компаративные пословицы о надежности согласованных действий и дружбы: *добрый союз тверже каменных стен; согласие (согласье) крепче каменных стен; хорошая дружба крепче каменных стен* [10, с. 656]. Стена выступает также как символ силы и единства в бою: *стенка на стенку / стена на стену; сценка на сценку*. Образ восточнославянских фразеологизмов восходит к древнему обычаю рукопашного («стеношного») боя, в котором одна группа людей шла против другой («стенка на стенку») и который велся в соответствии со своеобразным кодексом чести (ср. правило беречь товарищей).

В китайском языке идею сплоченности отражена в пословицах *土帮土成墙, 穷帮穷成王* ‘сила в единстве’ (букв. ‘земля прилипает к земле и образует стену, бедняк помогает бедняку и становится правителем’); *兄弟阅墙, 外御其侮* ‘несмотря на внутренние распри, близкие люди могут сплотиться против общего врага’ (букв. ‘[хотя] за стенами ссорятся, [но братья вместе] сдерживают врага’); *一堵墙难挡八面风* ‘одному человеку сложно противо-

стоять давлению многих сторон’ (букв. ‘одной стене трудно защищать от ветра, дующего со всех сторон’). В целом фразеологизмы отражают стереотипное представление о важности объединения людей для защиты или противодействия.

Образ стены в китайской лингвокультуре участвует в кодировании положительной оценки тех или иных отношений. Так, оценка взаимовыгодных отношений отражена в чэньюе *东壁余光* ‘забота или выгода, которая приносит пользу другим и не приносит ущерб самому себе’ (букв. ‘свет, проникающий через восточную стену’). Для китайского языкового сознания характерна метафоризация сторон света, восходящая к традиционным представлениям: *东* ‘восток’, *南* ‘юг’, *西* ‘запад’, *北* ‘север’ связаны с понятиями *尊* ‘цзунь’ (высокое), *卑* ‘бэй’ (низкое), *阴* ‘инь’ (женское начало), *阳* ‘ян’ (мужское начало). Восток (восход солнца) и юг (обращенность лицом к солнцу) считались высокими, запад (заход солнца) и север (обращенность спиной к солнцу) – низкими [18, с. 47]. Поэтому номинации *东* ‘восток’ и *南* ‘юг’ в китайском языке имеют коннотации «новая жизнь», «тепло», «надежда», «правитель», «мужское начало», а номинации *西* ‘запад’ и *北* ‘север’ – «пустота», «тьма», «холод», «подданный», «женское начало». Этими коннотациями определяется символическое значение данных единиц в китайской лингвокультуре. Образ пословицы *墙里开花墙外香* ‘о достижениях человека еще не знают внутри, а снаружи люди уже знают; достижения, которые не воспринимаются всерьез близким окружением, но оценены по достоинству другими’ (букв. ‘цветы расцветают в стенах, а приятный аромат чувствуют только за стеной’) восходит к архетипической форме осознания мира, одной из базовых оппозиций которой является противопоставление «своего» и «чужого». При этом в китайском языковом сознании «чужое» не всегда воспринимается как враждебное и угрожающее.

Образ стены в силу своих внешних характеристик (твердость, непроницаемость) и функциональной специализации (функция ограждения) проецируется на сложные отношения и взаимодействия людей и порождает отрицательные эмоционально-оценочные коннотации. Стена может выступать эталоном проявления упрямства, невосприимчивости, безразличного отношения к происходящему. Ср.: русск. *упираться каменной стеной* ‘упорствовать в чем-л., упрямо не соглашаться с чем-л.’; *что стенке, что ему* ‘о невозможности воздействовать, оказывать влияние на кого-л.’; *хоть в стену башкой стучи* ‘об упрямом человеке, которого трудно заставить делать что-л.’; бел. *(гаварыць) да каго як да сцяны* ‘пра чалавека, які не хоча слухаць, што яму кажуць, як навучаюць’; кит. *一头撞到南墙* ‘жесткая позиция, упрямые действия; не приспособливаться к обстоятельствам’ (букв. ‘головой стукнуться о южную стену’). Специфичный для китайской культуры образ южной стены связан с символикой сторон света и исторически обусловлен обычаем размещать главные ворота на юге – благоприятной стороне. Перед воротами со стороны усадьбы ставили небольшую стену-экран *影壁* (инби) (ее также называли *南墙* ‘южная стена’), скрывавшую внутреннее пространство от любопытных прохожих

¹ В белорусскоязычном материале имеются также фразеологизмы с лексемой *мур*, однако они относятся к другим тематическим группам (например, характеризуют внешность и физические качества человека: *здоровы / моцны / сільны* як мур ‘пра здаровага, моцнага, дужага чалавека’) [13, с. 269]

и, по религиозным представлениям, защищающую от злых духов [19, с. 239]. При входе в усадьбу нужно было обойти южную стену, а двигаясь по прямой, человек на нее наталкивался.

Особую тематическую подгруппу в русском и белорусском языках составляют фразеологизмы, в которых взаимодействуют архитектурный и растительный коды: отскакивающий от стены горох метафорически кодирует отсутствие ожидаемого эффекта, безрезультатность, безразличие. Ср. русск. *в кого / от кого как в / об стену / стенку горох / горохом; в кого / от кого как от / со стены / к стене горох; (отскакивать от кого) как от стенки / стены горох; (кому что) как к стенке горох*; бел. *не прыстае як да сцяны гарох; што гарох аб сценку; так да каго [прыстае] як да сцяны / аб сцяну гарох; казаць як гарохам аб сцяну; як / што гарох аб сцяну / сценку каму / для каго; адскокваць, адлятаць як / што гарох ад сцяны / сценкі*. Есть также случаи взаимодействия архитектурного и зооморфного кодов: русск. *стать как бык в стену / в стенку рогами; упираться как в стену рогами; упереться во что-то как бык в стену рогами*; бел. *выдуравацца як муха на сцяне* 'пра залішнюю празмерную сваюлю каго-н., яго выстаўленне, назалянне'.

Отрицательная оценка межличностных отношений выражена в значении китайских фразеологических единиц с компонентом 墙 / 壁 'стена', содержащих «пространственную» метафору. Так, китайский фразеологизм 作壁上观 'оставаться в стороне, занимать позицию стороннего наблюдателя' (букв. 'смотреть со стены') содержит метафору, в которой внеположность, безразличие, отстраненность кого-л. уподобляется местоположению «стороннего» наблюдателя, находящегося на стене, то есть в «ино» (по отношению к происходящим событиям) пространстве. Нахождение на стене символизирует отсутствие четкой позиции, попытку угодить обеим сторонам, выступает как эталон двурушничества: 骑墙派 'неясная позиция человека, который стоит посередине, пытается снисказать расположение обеих сторон; приспосабливец' (букв. 'партия сидящих на стене').

В русском и белорусском языковом сознании стена, замыкая пространство, выступает в роли символа безвыходной ситуации, максимального ограничения свободы действий: русск. *прижать к стене / стенке* 'лишить возможности отпираться, отрицать что-л.'; *припираться / припереть к стенке кого* 'вынуждать кого-л. делать что-л.'; *припереть / притиснуть / прислонить к стене* 'призвать к ответственности, разоблачить кого-л.; строго наказать кого-л.'; бел. *прыпіраць / прыціскаць да сценкі / да сцяны каго; прыперці / прыціснуць да сценкі / да сцяны каго* 'ставіць у бязвыхаднае становішча'. Стена выступает ограничителем физических возможностей человека, делает его беспомощным, ставит в безвыходную ситуацию. Предельно негативная семантика метафоры стена представлена в группе русских и белорусских идиом, эвфемистически выражающих идею расправы, даже казни. Ср., русск. *ставить / поставить к стенке кого-л.* 'расстреливать'; устар. 'наказывать' (не приводится в современных словарях, но отражено в НКРЯ); *пришить к стенке*; бел. *ставіць / паставіць да сцяны / сценкі (каго)* 'расстрэльваць'; *па сцяне раз-*

мазаць / размазаць (каго). Исторически образ фразеологизмов основан на метонимии (металепсисе) и связан с прототипическими ситуациями наказания за какую-либо провинность и расстрела. В современном значении этих выражений стена символизирует тупик, последнюю черту и передает представление об угрозе или жестоком способе расправы.

В основе китайских фразеологизмов данной группы лежит аналогия «негативное воздействие на человека – разрушение стены». Ср. образы фразеологизмов, в которых глагольные компоненты, принадлежащие к акциональному коду культуры, создают представление о напористом стремительном действии, связанном с разрушающим воздействием на человека: 墙倒众人推 'когда человек попадает в беду, люди нападают на него' (букв. 'когда стена валится, ее подталкивают все'); 挖墙脚 'умышленно подкапываться (под кого-л.)' (букв. 'подрывать основание стены').

В русской, белорусской и китайской фразеологии стена является не только знаком границы, но и выступает как символ изоляции от внешнего мира, уединения и ограничения взаимодействия с другими людьми: русск. *в четырех стенах сидеть, жить и т. п.*; *китайская стена; жить как замурованные [тесными] стенами*; бел. *ў чатырох сценах сядзець, жыць і пад.*; *між чатырох сцен (жыць, сядзець і пад.)*; *кітайская сцяна; як за сцяну заступіла* 'пра жанчыну, што адасобілася, адгарадзілася, страціла сувязь са знешнім светам'; *як за сцену* 'пра чалавека, які спыніў адносіны, знік, схваўся'; *адгарадзіцца / адгараджацца кітайскай сцяной*; кит. 杜墙不出 'не выходить и прекратить общение с внешним миром' (букв. 'затвориться в стенах и не выходить'); 避世墙东 'жить в уединении среди городских обывателей и торговцев' (букв. 'бежать от мира к востоку от стены').

Стена является препятствием для обмена чувствами и мыслями, общения и единения: русск. *стена равнодушия, недоверия, неприязни; наталкиваться / натолкнуться словно на [каменную (глухую)] стену; выросла глухая стена (чего перед кем / между кем)*; бел. *сцяна маўчання*; кит. 隔堵墙 'внутренняя отчужденность' (букв. 'разделяющая стена'); 隔高墙 'расставаться друг с другом, не следует видеться' (букв. 'отгораживающая высокая стена'); 一堵墙 'расхождение в мыслях, возникновение разобщенности между друг другом' (букв. 'одна стена'). В образах фразеологизмов содержится пространственная символика разъединения людей, которая переосмысливается как разделение внутреннее. В китайских фразеологизмах 高打墙 'отделение людей друг от друга, во избежание вражды' (букв. 'высоко возводит стену'); 好兄弟高打墙, 亲戚朋友远离乡 'соблюдение определенной дистанции между братьями, родственниками и друзьями, так как слишком близкое общение может породить противоречия' (букв. 'братья возводят высокие стены, родственники и друзья держатся вдали от дома') обнаруживается семантика «ограждения», изолированности и намеренного отделения людей.

В мировидении трех народов стены своего дома не всегда обеспечивают безопасность, образ стены метафорически выражает угрозу, проистекающую из возможности быть услышанным чужими. Предо-

стережение от опасности подслушивания выражается, как и во многих других языках, благодаря взаимодействию с соматическим кодом (*уши / вушы / 耳*): русск. [у] у стен есть (бывают) уши; стены имеют уши; бел. і сцены маюць вушы; і ў сцен ёсць вушы; кит. 隔墙有耳 (букв. 'за стеной есть уши').

В китайской лингвокультуре стена обладает символическим значением защищенного места и границы, за которой существует личное пространство. Проникновение через стену метафорически означает вмешательство в чужие дела и взаимоотношения: *听隔壁戏* 'подслушивать соседские разговоры, [подсматривать] за движениями' (букв. 'слушать спектакли через стену'); *听墙根* 'подслушивать чужие разговоры' (букв. 'слушать основание стены'). В русском языке также обнаруживается пословица данной смысловой группы: *кто к чужой стене ухо наставляет, часто слышит и то, чего не желает*.

В китайских фразеологизмах, источником которых являются литературные произведения, стена кодирует нормы конфуцианской этики, олицетворяет порядок и правила, согласно которым любовью подчиняется интересам семьи, а сыновняя почтительность запрещает противоречить родителям. Ср. чэньюи, в которых чувство влюбленности ассоциируется с образом стены: *东墙窥宋* 'красивая девушка, влюбленная в мужчину' (букв. 'украдкой] смотреть на Сун [Юя] с восточной стены'); *邻女窥墙* 'любовь женщины к мужчине' (букв. 'соседская девушка подглядывает со стены'); Отказ от соблюдения этических норм в отношении мужчины и женщины оценивается резко негативно: *钻穴逾墙* 'тайная любовь между мужчиной и женщиной; мужчина и женщина завели роман на стороне'; 'о воровстве' (букв. 'протискиваться через щель, перелезть через стену'); *跳粉墙* 'тайное [любовное] свидание с женщиной' (букв. 'перепрыгивать через выбеленную стену'). Деятельностная метафора уподобляет недопустимые отношения прыжку / перелезанию через стену.

Понятие стены как границы своего мира и пространства тесно связано с понятием семьи. Супружеская верность в конфуцианской традиции является главной семейной добродетелью, нарушение семейных устоев и отношения сексуального характера за пределами семьи являются предосудительными и недопустимыми. Фразеологизм *红杏出墙* 'насыщенные плотские наслаждения, глубокая заинтересованность; женщина, которая не соблюдает женские добродетели, вступает в незаконную связь' (букв. 'красный абрикос пророс через стену') имеет ярко выраженную отрицательную коннотацию и представляет негативную модель сексуального поведения женщины.

Заклучение. Анализ группы фразеологических единиц, соотносимых с архитектурным кодом культуры, позволил выявить в исследованных языках две совпадающие смысловые оппозиции: «сплоченность – разобщенность»; «защищенность – опасность». В трех лингвокультурах стена выступает эталоном проявления упрямства, связана с представлениями об уединении и ограничении взаимодействия с другими людьми. Этноспецифическими являются образы *стены* как тулика, безысходности, последней черты для русской и белорусской лингвокультур и негативная семантика метафоры *стена*, основанная на аналогии «негативное воздействие на человека – разрушение стены» для китайской. Национальной специфичностью обладают и китайские фразеологизмы, в которых *стена* символизирует нравственные нормы, в частности семейные ценности. Исследование также показало национально-культурные различия взаимодействия кодов. Так, в русском и белорусском языках архитектурный код культуры чаще взаимодействует с растительным и зооморфным, в китайском – с пространственным (*南墙* 'южная стена', *东墙* 'восточная стена'), поскольку для китайского языкового сознания актуальна символика сторон света.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гудков, Д. Б. Телесный код русской культуры: материалы к словарю / Д. Б. Гудков, М. Л. Ковшова. – М. : Гнозис, 2007. – 285 с.
2. Захаренко, И. В. Приходится ко двору / И. В. Захаренко // Большой фразеологический словарь русского языка / авт.-сост.: И. С. Брилева [и др.]; отв. ред. В. Н. Телия. – М., 2009. – С. 564.
3. Гудков, Д. Б. Сжигать мосты / Д. Б. Гудков // Большой фразеологический словарь русского языка / авт.-сост.: И. С. Брилева [и др.]; отв. ред. В. Н. Телия. – М., 2009. – С. 632.
4. Макарова, О. В. Лингвометодические основы исследования архитектурно-домоустроительного кода русской лингвокультуры в целях преподавания русского языка как иностранного : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02 / О. В. Макарова. – М., 2010. – 193 л.
5. Ван Исюань. Стереотипные представления о жилых и дворовых постройках в русских поговорках на фоне китайских: лингвокультурологический аспект : дис. ... канд. филол. наук : 5.9.5 / Ван Исюань. – СПб., 2023. – 300 л.
6. Ляшчынская, В. А. Симвальнае значэнне фразеалагізмаў беларускай мовы з кампанентам сцяна/сценка / В. А. Ляшчынская // Изв. Гомел. гос. ун-та им. Ф. Скорины. – 2016. – № 4. – С. 105–110.
7. Фразеологический словарь современного русского литературного языка : более 35000 фразеол. единиц : [в 2 т.] / сост.: А. В. Королькова, А. Г. Ломов, А. Н. Тихонов ; под ред. А. Н. Тихонова. – М. : Флинта : Наука, 2004. – Т. 2 : П–Я. – 830 с.

REFERENCES

1. Gudkov, D. B. Telesnyj kod russkoj kul'tury: materialy k slovarju / D. B. Gudkov, M. L. Kovshova. – M. : Gnozis, 2007. – 285 s.
2. Zaharenko, I. V. Prihodit'sya ko dvoru / I. V. Zaharenko // Bol'shoj frazeologičeskij slovar' russkogo jazyka / avt.-sost.: I. S. Brileva [i dr.]; otv. red. V. N. Teliya. – M., 2009. – S. 564.
3. Gudkov, D. B. Szhigat' mosty / D. B. Gudkov // Bol'shoj frazeologičeskij slovar' russkogo jazyka / avt.-sost.: I. S. Brileva [i dr.]; otv. red. V. N. Teliya. – M., 2009. – S. 632.
4. Makarova, O. V. Lingvometodicheskie osnovy issledovaniya arhitekturno-domoustroitel'nogo koda russkoj lingvokul'tury v celyah prepodavaniya russkogo jazyka kak inostrannogo : dis. ... kand. ped. nauk : 13.00.02 / O. V. Makarova. – M., 2010. – 193 l.
5. Van Isyuan'. Stereotipnye predstavleniya o zhilyh i dvorovyh postrojках v russkijh paremyah na fone kitajskijh: linovokul'turologičeskij aspekt : dis. ... kand. filol. nauk : 5.9.5 / Van Isyuan'. – SPb., 2023. – 300 l.
6. Lyashchynskaya, V. A. Simval'nae znachenne frazealogizmaŭ belaruskaj movy z kampanentam scyana/scenka / V. A. Lyashchynskaya // Izv. Gomel. gos. un-ta im. F. Skoriny. – 2016. – № 4. – S. 105–110.
7. Frazeologičeskij slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka : bolee 35000 frazeol. edinic : [v 2 t.] / sost.: A. V. Korol'kova, A. G. Lomov, A. N. Tihonov ; pod red. A. N. Tihonova. – M. : Flinta : Nauka, 2004. – T. 2 : P–Ya. – 830 s.

8. Большой словарь русских поговорок : более 40000 образ. выражений / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина ; под общ. ред. В. М. Мокиенко. – М. : Олма Медиа Групп, 2007. – 784 с.
9. *Мокиенко, В. М.* Большой словарь русских пословиц : около 70000 пословиц / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. К. Николаева. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2010. – 1023 с.
10. *Мокиенко, В. М.* Большой словарь русских народных сравнений : большой объясн. словарь : более 45000 образ. выражений / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2008. – 798 с.
11. *Лепешаў, І. Я.* Слоўнік фразеалагізмаў беларускай мовы : каля 7000 фразеалагізмаў : у 2 т. / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Беларус. Энцыкл., 2008. – Т. 2 : М–Я. – 702 с.
12. *Лепешаў, І. Я.* Тлумачальны слоўнік прыказак / І. Я. Лепешаў, М. А. Якалцэвіч. – Гродна : ГрДУ, 2011. – 695 с.
13. Слоўнік беларускіх народных параўнанняў : [больш за 8000 параўн. выказаў рознага тыпу] / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т мовы і літ. імя Я. Коласа і Я. Купалы ; уклад.: Т. В. Валодзіна, Л. М. Салавей ; навук. рэд.: В. М. Макіенка. – Мінск : Беларус. навука, 2011. – 482 с.
14. 中华成语辞海 / 主任陈霞村. – 长沙 : 湖南教育出版社, 2013. – 1796 页. (Китайский фразеологический словарь Цыхай / гл. ред. Чэнь Сяунь. – Чанша : Изд-во просвещения Хунань, 2013. – 1049 с.).
15. 谚语大词典 / 高歌东主编. – 2版. – 成都 : 四川辞书出版社, 2022. – 1049 页. (Большой словарь пословиц / гл. ред. Гао Гэдун. – 2-е изд. – Чэнду : Изд-во Сычуан. слов., 2022. – 1049 с.).
16. 俗语大词典 / 温端政主编. – 北京 : 商务印书馆, 2015. – 2522 页. (Большой словарь поговорок / гл. ред. Вэнь Дуаньчжэн. – Пекин : The Commercial Press, 2015. – 2522 с.).
17. *Протасеня, Н. С.* Воплощение архитектурного кода в родственных и неродственных лингвокультурах (на примере единиц стена/сцяна/墙/壁) [Электронный ресурс] / Н. С. Протасеня // Аксиология филологического образования в контексте подготовки педагога будущего : материалы II Международ. науч.-практ. конф., посвящ. 35-летию создания каф. риторики и методики преподавания яз. и лит., Минск, 20–21 марта 2023 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: И. М. Саникович (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2023. – Режим доступа: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/299000/1/238-243.pdf>. – Дата доступа: 24.11.2023.
18. 李宗利. 从《东南西北》方位词看中西文化的差异 / 李宗利, 刘效群 // 徐州建筑职业技术学院学报. – 2005. – 第 5 卷, 第 4 期. – 页 46–48. (Ли Цзунли. Различия китайской и западной культуры на примере номинаций сторон света «восток, юг, запад, север» / Ли Цзунли, Лю Сяоцунь // Вестн. Сюйчжоус. проф.-техн. строит. ин-та. – 2005. – Т. 5, вып. 4. – С. 46–48).
19. 玛丽娜 克拉夫佐娃. 中国文化概论 : 俄语 / 玛丽娜 克拉夫佐娃, 张冰. – 北京 : 北京大学出版社, 2020. – 页 239–240. (Кравцова, М. Очерк культуры Китая: русский язык / М. Кравцова, Чжан Бинчжу. – Пекин : Изд-во Пекин. ун-та, 2020. – С. 239–240).
8. Bol'shoj slovar' russkih pogovorok : bolee 40000 obraz. vyrazhenij / V. M. Mokienko, T. G. Nikitina ; pod obshch. red. V. M. Mokienko. – M. : Olma Media Grupp, 2007. – 784 s.
9. *Mokienko, V. M.* Bol'shoj slovar' russkih poslovic : okolo 70000 poslovic / V. M. Mokienko, T. G. Nikitina, E. K. Nikolaeva. – M. : OLMA Media Grupp, 2010. – 1023 s.
10. *Mokienko, V. M.* Bol'shoj slovar' russkih narodnyh sravnenij : bol'shoj ob'yasn. slovar' : bolee 45000 obraz. vyrazhenij / V. M. Mokienko, T. G. Nikitina. – M. : OLMA Media Grupp, 2008. – 798 s.
11. *Lepeshaŭ, I. Ya.* Sloŭnik frazealogizmaŭ belaruskaj movy : kalya 7000 frazealogizmaŭ : u 2 t. / I. Ya. Lepeshaŭ. – Minsk : Belarus. Encykl., 2008. – T. 2 : M–Ya. – 702 s.
12. *Lepeshaŭ, I. Ya.* Tlumachal'ny sloŭnik prykazak / I. Ya. Lepeshaŭ, M. A. Yakalcevič. – Grodna : GrDU, 2011. – 695 s.
13. Sloŭnik belaruskich narodnyh paraŭnannaŭ : [bol'sh za 8000 paraŭn. vyrazaŭ roznaga typu] / Nac. akad. navuk Belarusi, In-t movy i lit. imya Ya. Kolasa i Ya. Kupaly ; układ.: T. V. Valodzina, L. M. Salavej ; navuk. red.: V. M. Makienka. – Minsk : Belarus. navuka, 2011. – 482 s.
14. 中华成语辞海 / 主任陈霞村. – 长沙 : 湖南教育出版社, 2013. – 1796 页. (Kitajskij frazeologičeskij slovar' Cyhaj / gl. red. Chen' Syacun'. – Chansha : Izd-vo prosveshcheniya Hunan', 2013. – 1049 s.).
15. 谚语大词典 / 高歌东主编. – 2版. – 成都 : 四川辞书出版社, 2022. – 1049 页. (Bol'shoj slovar' poslovic / gl. red. Gao Gedun. – 2-e izd. – Chendu : Izd-vo Sychuan. slov., 2022. – 1049 s.).
16. 俗语大词典 / 温端政主编. – 北京 : 商务印书馆, 2015. – 2522 页. (Bol'shoj slovar' pogovorok / gl. red. Ven' Duan'chzhen. – Pekin : The Commercial Press, 2015. – 2522 s.).
17. *Protasenya, N. S.* Voploshchenie arhitekturnogo koda v rodstvennyh i nerodstvennyh lingvokul'turah (na primere edinic stena/scyana/墙/壁) [Elektronnyj resurs] / N. S. Protasenya // Aksiologiya filologičeskogo obrazovaniya v kontekste podgotovki pedagoga budushchego : materialy II Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posvyashch. 35-letiyu sozdaniya kaf. ritoriki i metodiki prepodavaniya yaz. i lit., Minsk, 20–21 marta 2023 g. / Belorus. gos. un-t ; redkol.: I. M. Sanikovich (gl. red.) [i dr.]. – Minsk, 2023. – Rezhim dostupa: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/299000/1/238-243.pdf>. – Data dostupa: 24.11.2023.
18. 李宗利. 从《东南西北》方位词看中西文化的差异 / 李宗利, 刘效群 // 徐州建筑职业技术学院学报. – 2005. – 第 5 卷, 第 4 期. – 页 46–48. (Li Czunli. Razlichiya kitajskoj i zapadnoj kul'tur na primere nominacij storon sveta «vostok, yug, zapad, sever» / Li Czunli, Lyu Syaocun' // Vestn. Syujchzhous. prof.-tekhn. stroit. in-ta. – 2005. – T. 5, vyp. 4. – S. 46–48).
19. 玛丽娜 克拉夫佐娃. 中国文化概论 : 俄语 / 玛丽娜 克拉夫佐娃, 张冰. – 北京 : 北京大学出版社, 2020. – 页 239–240. (Kravcova, M. Oчерk kul'tury Kitaya: russkij yazyk / M. Kravcova, Chzhan Binchzhu. – Pekin : Izd-vo Pekin. un-ta, 2020. – S. 239–240).